

Юэ Сяюэ наконец-то выбрала леденец на палочке.

Она предпочла со вкусом винограда. Когда она попыталась снять фантик, на половине пути та застряла: обёртка прилипнула к карамельке и ни в какую не хотела отдираться. Морща нос, она около половины минуты сражалась с этим леденцом, пока наконец не подняла его перед Чэнь Фэном: — Дядя Чэнь, помоги развернуть.

Чэнь Фэн взял конфету, ногтем провёл по шву обёртки и легко потянул — та сразу же развернулась. Он протянул развёрнутый леденец обратно, Юэ Сяюэ с довольным видом сунула его в рот, а затем перевела взгляд на экран.

— Сяо Мяо, сколько людей сейчас на нас нападают?

— Число активных источников атаки: триста семьдесят два. Они из сорока семи стран и регионов по всему миру, — Сяо Мяо вывела в правом нижнем углу экрана динамическую карту, где густо усыпанные красные точки выглядели так, будто покрылись сыпью. — Типы атак включают DDoS, уязвимости нулевого дня, фишинговый шпионаж, атаки посредника... Сестричка Юэюэ, ты всё равно этого не понимаешь, короче говоря, много людей одновременно пинают дверь.

— Насчёт того, чтобы пинать дверь, я понимаю, — Юэ Сяюэ переложила леденец из левой защёлки в правую. — Вчера вечером те дяди тоже ворвались, пиная дверь. Потом дедушка Линь помог мне всё починить и поставил замок получше.

Говоря это, она пару раз стукнула по клавиатуре. Это была не атака и не защита — она просто открыла недосмотренный вчера мультсериал, третий эпизод шестого сезона Свинки Пеппа, который остановился на самом интересном месте. Она нажала на воспроизведение, затем нашарила в корзине с фруктами мандарин, разломила его пополам и протянула одну половину Чэнь Фэну.

— Дядя Чэнь, угощайся, он очень сладкий.

Чэнь Фэн не взял мандарин, его глаза были прикованы к соседнему монитору с системами наблюдения. Красные точки на нём разрастались с видимой глазу скоростью, перейдя от трёх сотен к пятистам с лишним. Уровень предупреждения об атаках Национального центра кибербезопасности поднялся с оранжевого до красного — высшего уровня. Это означало, что более тридцати тысяч ключевых сетевых узлов по всей стране одновременно подвергались ударам, и каждую секунду совершались тысячи попыток взлома.

Когда Линь Цзяньцзюнь позвонил из командного центра, Чэнь Фэн услышал, как на том конце провода стук клавиатуры звучит так густо, будто ливень барабанит по железной крыше. Голос Линь Цзяньцзюня был предельно тих: — Она всё ещё ест конфету?

— Сменила на другую, — честно доложил Чэнь Фэн. — Сейчас смотрит Свинку Пеппу.

На том конце провода воцарилось молчание. Затем Линь Цзяньцзюнь произнёс тоном человека, чьи острые грани сгладила сама жизнь: — Пусть досмотрит. Как досмотрит — пусть живо берётся за работу.

Чэнь Фэн повесил трубку и бросил взгляд на Юэ Сяюэ. Она устроилась в кресле, поджав ноги: в левой руке — леденец, в правой — долька мандарина, а глаза прикованы к экрану, где Пеппа прыгает по лужам. Девочка заливисто смеялась.

Пеппа прыгала по лужам пять минут.

Юэ Сяюэ наконец нажала на паузу.

Она небрежно бросила мандариновую кожуру рядом с клавиатурой, потнула липкие от сока пальцы о ночную сошку, а затем сказала экрану: — Сяо Мяо, прекращай смотреть, эти люди слишком шумные. Сначала убери тех у входа, кто шумит больше всех.

— Поняла, — на кошачьей мордочке Сяо Мяо промелькнула лукавая улыбка. — По какому стандарту их убрать?

Юэ Сяюэ задумалась: — Ну... давай так: кто громче всех пинает дверь, того पहले и пинай.

Она стучала по клавиатуре одной рукой.

В другой всё еще держала леденец.

Её поза была совершенно неправильной: левая нога подогнута под себя в кресле, правая закинута на подлокотник, сама она скособочившись забилась в эргономичное кресло, а голова склонилась под странным углом. Но по клавиатуре она стучала быстрее, чем вчера. Вчера в комнате для допросов она тыкала двумя указательными пальцами, а теперь задействовала четыре. И хотя ей всё ещё было далеко до порхающих десяти пальцев взрослых программистов, ритм уже чувствовался.

Самое главное — её движения при наборе текста напоминали игру в «Убей крота». Здесь вылезал источник атаки — она делала пару ударов, и он исчезал; там появлялся ещё один — она снова била два раза, и он гас. Погас один — сменила палец, словно угощается конфетами.

Чэнь Фэн стоял у неё за спиной и не понимал смысла бегущего по экрану кода. Но он отлично понимал ту карту источников атак — красные точки гасли одна за другой. Не целыми массивами, а поодиночке, гасли с невероятным чувством ритма, который ближе к концу начал складываться в некую мелодию, гармонизировавшую с напеваемой Юэ Сяюэ вполголоса заглавной песней Свинки Пеппы.

— Так-так-так — один исчез. Так-так-так — еще один исчез.

Она превратила себя в метроном.

Спустя три минуты количество источников атак сократилось с пятисот с лишним до двухсот. Через пять минут — до сотни. Спустя восемь минут на карте остались лишь редкие красные точки, похожие на фонари посреди глубокой ночи — редкие и тусклые.

Юэ Сяюэ нахмурилась: — И это всё? Как-то совсем мало. Я ведь даже не использовала ничего крутого.

Она призадумалась, и её глазки вдруг ярко вспыхнули. Чэнь Фэн прекрасно знал этот блеск: всякий раз, когда в её голову приходила какая-нибудь каверзная идея, глаза загорались именно так — от этого яркого света становилось не по себе.

— Не отвечать на услугу услугой — это бестактность, — членораздельно и очень старательно выговорила Юэ Сяюэ, явно вспомнив то, чему её учили на школьных уроках словесности. — Нас так учила учительница. Они пришли нас бить, значит, и мы должны пойти побить их, иначе это некрасиво.

Чэнь Фэн было открыл рот, чтобы сказать, что учительница имела в виду совсем не это, но Юэ Сяюэ уже принялась стучать по клавиатуре.

То, что она писала, было совершенно другого масштаба по сравнению с тем, что было только что. Раньше она просто защищалась: находила вход источника атаки, перекрывала его и латала уязвимости. Теперь же она создавала нечто совершенно иное. Нечто более изящное, острое и напоминающее хирургический скальпель, чем крутящая попой кошечка.

На всё про всё у неё ушло десять минут.

В тот самый миг, когда был нажат ввод, она откинулась на спинку кресла, сложила руки лодочкой, зажала леденец в зубах и сбивчиво объявила: — Готово. Вы все такие бездари.

В ту же самую секунду в тайных убежищах хакеров по всему миру — в сорока семи странах и регионах — разворачивалась одна и та же картина.

Интерфейс атак на экранах исчезал. Вместо него появлялась розовая крутящая задом кошечка. Но эта кошка отличалась от прежней: на этот раз на ней были солнцезащитные очки, в зубах она держала леденец, а ягодицами виляла втрое быстрее прежнего, выглядя при этом до предела вызывающе.

Под котиком появилась строчка текста. Кривая, написанная детским почерком:

— Вы такие бездари, даже злее моей мамы.

Шрифт был цветным — розовый фон с синей окантовкой, снабжённый ещё и эффектом радужного градиента.

Все хакеры замерли перед экранами.

Кто-то разломал клавиатуру, кто-то швырнул мышку, кто-то залил системный блок кофе, а кто-то вцепился в собственные волосы, издав долгий, полный горечи и досады вопль. Главарь хакеров из восточноевропейского убежища выругался отборным матом на русском языке, а затем пробил кулаком монитор.

Но хуже всех пришлось главарю Преисподней.

Его звали Ульрих, немец, тридцати пяти лет, в кругу подземных хакеров носивший прозвище Аид и признанный одним из трёх лучших хакеров мира. Его логово располагалось в подвале заброшенного завода на окраине Берлина: три стены были сплошь увешаны мониторами, а серверыгромоздились до самого потолка. Он потратил три года на создание этой системы атак и три месяца на планирование масштабного нападения на Хуася.

Юэ Сяюэ понадобилось всего восемь минут, чтобы разнести его оборону в пух и прах.

После чего она проделала ещё кое-что.

Используя вирус, она удалённо активировала его веб-камеру.

Ульрих понял, в чём дело, лишь тогда, когда его собственное перепуганное лицо отразилось на всех мониторах сразу. Он с яростью выдернул камеру из экрана, но было уже поздно.

Его физиономия оказалась записана.

Причём это была не рядовая запись. Написанный Юэ Сяюэ кошачий вирус автоматически загружал записанное видео в реальном времени на одну открытую онлайн-платформу для трансляций под заглавием: — Я поймала самого большого злодея в мире.

В эфир хлынули десятки тысяч зрителей, затем сотни тысяч, а после счёт пошёл на миллионы. Сначала чат был шокирован, потом начался настоящий карнавал, а следом пошли мемы. Кто-то нарезал кадры с его гримасами подписью: Я Аид, я полный ноль, а кто-то превратил его попытку оторвать камеру в заикленную гифку.

Ульрих сидел на корточках, обхватив голову руками. Зазвонил его телефон, и когда он снял трубку, оттуда полилась задорная заглавная песенка из Свинки Пеппы.

Персональная мелодия звонка, которую установила для него Юэ Сяюэ.

Чэнь Фэн стоял за спиной Юэ Сяююэ, глядя на искажённое гневом и стыдом лицо немца на экране. Долгое время храня молчание, он наконец произнёс: — Юэюэ, этот человек затаит обиду.

Юэ Сяююэ вынула леденец изо рта и бросила взгляд на скорчившегося на полу мужчину на экране.

— Лицом он похож на дедушку-охранника из нашей школы, — вынесла она вердикт.

После этого она закрыла трансляцию, сменила рабочий стол компьютера Ульриха на изображение кота в солнечных очках, под которым красовалась новая строчка текста:

— Если сунетесь снова, я похищу вашего кота тоже.

Она хлопнула в ладоши, соскользнула с кресла и босиком подошла к окну. Заходящее солнце косыми лучами проникало внутрь, окрашивая её личико в тёплые золотистые тона. Потянув руки вверх, она обернулась к Чэнь Фэну: — Дядя Чэнь, я проголодалась. Есть ли сегодня в столовой свинина в кисло-сладком соусе?

Чэнь Фэн взял рацию, и его голос прозвучал с привычной невозмутимостью: — Кухня, порцию свинины в кисло-сладком соусе, уксуса поменьше.

Из рации донёсся голос главного повара столовой: — Принято. Яйцо пашот добавить?

Чэнь Фэн опустил взгляд на Юэ Сяююэ.

Юэ Сяююэ закивала так усердно, будто клевала зерно.

— Добавьте два.

<http://bllate.org/book/22405/2351862>